

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл дал интервью телеканалу «Россия»

9 сентября 2012 года на телеканале «Россия» было показано интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла журналисту Дмитрию Киселеву.

— Ваше Святейшество, Церковь столкнулась с настоящей агрессией. На мой взгляд, это проявление более широкого явления — аномии. Аномия — термин, который ввел французский философ, основатель социологии Эмиль Дюркгейм еще в позапрошлом веке. Это ценностный вакуум, отсутствие точек опоры. Вам не кажется, что наше общество стоит на пороге этого явления либо частично уже погрузилось в такое состояние?

— Если в двух словах сказать о том, что происходило и еще происходит в плане агрессии против Церкви, то явление это, конечно, не случайное. Меня не покидает мысль о том, что это некая разведка боем. Надо проверить, насколько все-таки глубока вера и приверженность людей Православию в России. Многие ведь уже давно похоронили всякую способность нашего народа, по крайней мере, большинства народа к самоорганизации, к защите каких-то ценностей, к защите своей позиции. Не буду цитировать оскорбительные заявления в адрес нашего народа некоторых людей, которые считают себя креативным классом, но это пренебрежительный взгляд сверху вниз. Вот, наверное, и наступило такое время, особенно после того, как все вы видели то, что произошло в связи с принесением в Россию Пояса Богородицы. Мы же помним, какая была реакция на эти миллионы людей, что пришли в храм. Видимо, пришло время проверить: а действительно ли наш народ привержен вере? А способен ли он ее защитить? А способен ли он вообще что-то защищать? Вот и произошли эти провокации.

Сегодня, я думаю, все те, кто затевал эти провокации, убедились в том, что перед ними не безликая масса тихого, аморфного большинства, а народ, который способен защищать свои святыни.

— Но ведь эта агрессия не только против Церкви. Это агрессия против любых ценностей вообще. Церковь — не ценность. Жертвы НКВД — не ценность. Человеческая жизнь — не ценность. История — не ценность. Вообще, антиценностный протест. Вот что не просто огорчает, возмущает, но приводит кого-то в уныние, а кого-то

В ярость...

— Совершенно верно. Но еще следует добавить, что это агрессия против нашего культурного ядра, против нашего цивилизационного кода. Понятие святости всегда занимало центральное место в жизни народа. Отсюда же пошло понятие Святая Русь — не потому, что у нас храмов было много, а потому что доминантой жизни была святость и понятие священного. Именно в это сердце, в эту доминанту нанесен удар.

Вместе с тем Вы правы. Речь идет о вызове ценностному измерению жизни. Вот Вы вспомнили Дюркгейма, но ведь он обращал большое внимание на нравственное состояние общества, он говорил, что нравственность — это обязательный минимум и это суровая необходимость. Это некий хлеб жизни для общества, без чего общество распадается, и он ведь совершенно прав. Нельзя считать — а ведь многие сегодня на этом настаивают, отрицая важность нравственного измерения в общественных отношениях, — что главным является право, что право удерживает людей в некоем сообществе. А что стоит за правом? Угроза наказания. Мы все вместе, потому что если мы будем нарушать правила общежития, — накажут. А нравственность — это внутренний посыл к общежитию. Это духовная скрепа, соединяющая людей. Это действительно ценностное фундаментальное понятие, без которого распадается человеческое сообщество.

И здесь вот о чем я хотел бы сказать. Люди, которые вообще отрицают Бога, считают, что нравственность — это привходящее явление, культурное явление. Меняется культура, меняется контекст, в котором живут люди, — меняется нравственность. На самом деле это не так. Вот сегодня — кажется, уж все силы брошены на то, чтобы раскачать нравственные основы жизни народа, а ведь не получается. Посмотрите, что говорит статистика, причем разные социологические организации утверждают: абсолютное большинство наших людей не принимает кощунство. Процент людей, которые одобряют кощунство, — в рамках социологической погрешности. Абсолютное большинство нашего народа выступает за законы, которые ограничивали бы распространение греха. О чем это говорит? О том, что нравственное чувство живо в людях.

— Ваше Святейшество, одна из точек агрессии — это обвинения Церкви в сращивании с государством. Как Вы отвечаете на подобные выпады?

— Отвечаем одним словом — это миф. Миф, созданный специально. Ведь Церковь нужно атаковать с какой-то мировоззренческой позиции и эту мировоззренческую позицию нужно создать. Вот сегодня и создается миф о сращивании, о клерикализации нашей жизни. Для чего? А для того, чтобы показать, что через это сращивание Церковь претендует на управление вашим сознанием, вашей волей. Это некая псевдоидеология, которая приходит на место

коммунистической идеологии. А из этого делается вывод: Церковь опасна с точки зрения свободы, она будет порабощать ваше сознание.

А теперь перейдем к «разбору полетов». Итак, сращивание. У нас ведь есть Основы социальной концепции Русской Церкви. Журналисты, перед тем как распространять этот миф, просто взяли бы эту книжечку и посмотрели, что говорится на тему отношений Церкви с государством. Церковь защищает свою автономию. Церковь считает, что только свободная Церковь имеет возможность духовно влиять на людей, что всякое сращивание, всякая клерикализация архиопасна для проповеди. Мы же проходили через все это в дореволюционное время. Там было сращивание, но не по вине Церкви, а по вине государства, которое оккупировало Церковь. Итак, нет ни одного документа, ни одного заявления, ни одного слова Патриарха, на основании которых можно было бы сделать вывод о сращивании.

Откуда же все это возникло? А вот откуда. За последние двадцать лет та самая Церковь, которую обвиняли в бездействии, в неспособности осуществлять миссию в современном мире, достигла очень больших результатов в просвещении нашего народа. Наш народ становится православным. Сегодня перед нами в храмах, даже чисто визуально, во время пасхальной службы, во время больших праздников, — другой народ. Это люди среднего возраста, мужчины и женщины, с детьми на руках, это молодежь, это дети, это пожилые люди — это наш народ.

Так вот, теперь давайте скажем, как должен себя вести верующий политик, член Православной Церкви, если он вступает в диалог с Церковью. Он что, должен всячески дистанцироваться от своих убеждений? Он разговаривает с Церковью как сын Церкви. Он вступает в доброжелательный диалог с Церковью. Почему мы должны из одного факта, что президент или премьер-министр один или два раза в год молятся вместе с Патриархом, делать вывод о сращивании? И почему мы должны лишать этих людей, которые являются верующими, права помолиться, в том числе вместе со своим Патриархом? А ведь одна это картинка возбуждает нездоровые чувства у тех, кто не желает усиления Церкви в нашем обществе.

Еще одна картинка, которую представляют наши противники, чтобы доказать сращивание: Патриарх на базе атомных подводных лодок в Вилючинске. И что? А почему не делается вывод о сращивании Церкви с американским государством, когда нам показывают капелланов в Афганистане? Почему не возникает вопрос о сращивании, когда в регулярных войсках почти всех европейских стран на профессиональной основе работают капелланы? Патриарх приехал по приглашению военных моряков, чтобы сказать им слова признательности. Он приехал к своей пастве, потому что большинство моряков — верующие люди. Какое же здесь сращивание? Это, если хотите, пастырский, миссионерский визит. А народу представляют картинку и говорят: «Посмотрите, какое сращивание».

Здесь подмена понятий. Не сращивание, а христианизация нашего общества — вот что пугает наших оппонентов. Вот откуда, как говорится, рога растут. Страх перед тем, что Православие, которое было практически разрушено в советское время, за 20 лет сумело вернуться в жизнь своего народа. Конечно, еще не так, как нам бы хотелось, но, может быть, вся эта шумиха и поднимается для того, чтобы нас остановить. Хочу сказать: не остановит.

— В конце лета состоялся Ваш визит в Польшу. В какой степени удалось уврачевать раны, доставшиеся нам из далекой истории?

— Во-первых, об истории и современности. Наверное, нет двух других европейских народов, над которыми бы так тяготела история и которые бы так сознательно посыпали солью раны, нанесенные в истории, отравляя отношения, которые сегодня имеют место. Мы знаем, что каждая из сторон ведет тщательный учет всех прегрешений другой стороны, каждая из сторон пытается подвести некое сальдо — то, что в остатке, каждая из сторон утверждает: «на моей стороне плюс, а на другой — минус, то есть другая сторона принесла мне больше страданий, чем я ей». И я не уверен, что этот подход удастся изменить, сколько бы ученые ни изучали историю. А что это означает? Это означает, что мы до бесконечности должны посыпать эти исторические раны солью? Мы постоянно должны их беречь? А может, следует найти какой-то новый подход ко всему тому, что происходило и происходит в наших отношениях? Ведь два народа исторически живут вместе. Так Бог повелел, чтобы мы всегда жили вместе. Как соседи и как люди, разделяющие христианские ценности, неужели мы не можем построить иную основу наших отношений?

И вот возникла идея сказать историкам: «Забирайте все исторические проблемы, а мы хотим начать новую страницу в наших отношениях». Но ведь должен быть некий акт примирения. В диалоге с Католической Церковью Польши, который длился три года, мы договорились о том, что ключевым словом в этом акте примирения должно быть слово «прости». Мы просим друг у друга прощения — как христианские общины, как христианские народы, исполняя волю Самого Спасителя. Мы хотим в наших двусторонних отношениях продемонстрировать нашу верность Христу, нашу верность евангельским ценностям, ибо во имя этой принадлежности к евангельским ценностям мы испрашиваем друг у друга прощения.

И что Вы думаете? Когда я приехал в Польшу, я был поражен, с каким энтузиазмом польский народ откликнулся на совместное послание двух Церквей народам России и Польши. Конечно, всегда есть какая-то оппозиция, но это была микроскопическая оппозиция. Само послание было подписано мною и митрополитом Иосифом Михаликом, который является председателем Конференции католических епископов в Польше, в символическом месте — в королевском дворце.

И я глубоко убежден, что сегодня созданы мировоззренческие и психологические предпосылки для того, чтобы окончательно перевернуть тяжелую страницу, на которой написаны взаимные обвинения, пришедшие к нам из прошлого, и начать новую страницу в отношениях двух христианских народов, перед которыми стоят одинаковые вызовы, связанные с разрушением христианской культуры в Европе, с отказом от христианских нравственных ценностей, о чем в этом послании ясно сказано. Мы выступаем с одних и тех же позиций, защищая ту самую нравственность, о которой мы с Вами говорили в контексте прозорливых слов основоположника социологии.

— Ваше Святейшество, 4 ноября исполнится ровно 400 лет со дня изгнания поляков из Москвы. В России это национальный праздник, и он будет широко отмечаться. Можете себе представить текст поздравления из Варшавы?

— Могу. Сейчас могу — так, как могу себе представить и послание из Москвы в Варшаву по поводу восстановления независимости и территориальной целостности Польши. Дело в том, что если сняты психологические проблемы, если люди входят в состояние примирения друг с другом, то все эти акции вполне возможны. Но я хотел бы обратить Ваше внимание вот на какое обстоятельство: празднование победы русского оружия не означает торжества над врагом. Мы празднуем нашу победу, а не их поражение, не их военную неудачу, ведь настоящий воин всегда испытывает уважение к достойному противнику. Так же и празднование четырехсотлетия нашей победы и окончания Смутного времени не означает непочтительного отношения к другой стороне, и еще раз хочу сказать: это никак не связано с торжеством над их неудачами.

— Ваше Святейшество, спасибо Вам!

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси/ Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/53754/>